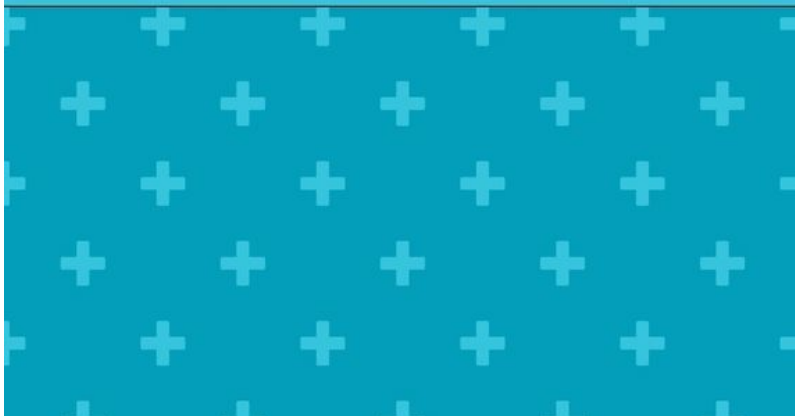

Андрей Днепровский-
Безбашенный (A. DNEPR)

Игра
СОЗНАНИЯ

Новеллы

**Андрей Днепровский-
Безбашенный (A. DNEPR)
Игра сознания. Новеллы**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23305233

ISBN 9785448389870

Аннотация

Новеллы Андрея Д. Б. читать сущее наслаждение, они хороши и прекрасны! Людмила Шершнёва, генеральный директор Смоленского телевидения

Содержание

Достижение фотографии	5
Дрожь земли	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Игра сознания Новеллы

**Андрей Днепровский-
Безбашенный (A. DNEPR)**

© Андрей Днепровский-Безбашенный (A. DNEPR), 2017

ISBN 978-5-4483-8987-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Достижение фотографии

(в русском языке есть поговорка: мужик сказал – мужик сделал! но в ней почему-то ни слова не говорится, о том, чтобы мужик сначала... – подумал!)

Планета Земля сделала очередной поворот вокруг своей оси, и... ооооу – нет! Она не остановилась, и не замерла в изумлении, а стала вращаться – дальше...

В одной Московской квартире висит портрет на стене, сделанный профессиональным фотографом, где двое влюблённых целуются в нежном прибое южной страны. Красивая девушка радостная и счастливая лежит на спине, на ней молодой человек, их губы ищут друг друга, и вот, наконец-то находят... От их поцелуев по телу идёт щемящая дрожь, которая захватила, закружила и понесла их всё выше и выше, выше самих облаков, на самую околоземную... Вокруг молодых просто светятся брызги океанской волны, их сердца переполнены жизнью, а время просто звенит на дрожащей струне. Да! Звёзды построили им сказочный мост в светлое будущее, где они, обязательно останутся – вместе!

В аэропорту Шереметьево Мария Ивановна, мать Леночки, из свадебного путешествия молодых встречала с цвета-

ми, букетом из канн, но, когда женщина увидела Леночку и зятя Татула, её лицо от удивления исказилось в гримасе страшного удивления, которому не было ни конца, ни начала, от чего она стала медленно сползать вдоль стены. Голова Татула была забинтована, а её любимая доченька Леночка как-то сухо так кашляла и всё время держалась руками за грудь, так, словно помогала груди руками дышать... Да! Молодые прилетели из той самой страны, где не всё ещё было вытоптано слонами. От того, что тёща увидела, она сначала громко вздохнула, выронила цветы, тихо осела на пол и потеряла сознание. Последнее, что ей запомнилось, был тот самый огромный портрет, который молодожены так крепко держали, как держат только надежду на светлое... прошлое.

(эх, если бы прошлое было хоть немножечко предсказуемое, мы все были богатые и знаменитые, но, к сожалению это немножко не так)

+ + +

Наверное, мало кому на нашей планете выпало счастье, постигнуть истинную любовь! Таковую, чтобы душу всю захватила, чтобы сначала приподняла, а только потом отпустила, а чтобы приподняла и не отпускала, так это вовсе редко бывает, так редко, что совсем не бывает... Или бывает,

но, тонко и щепетильно, словно ангелы их охраняли, до тех пор, пока на Татула не стали, как манна небесная валиться проклятия.

Этим сказочным утром, когда в небе парили огромные альбатросы, Лена с Татулом отправились вместе с туристами на яхте на остров любви, что украшал собой океан, и не просто так украшал, а был жемчужиной его лазурной воды. Яхта с туристами, обогнула сказочный остров и встала на якорь, на небольшой глубине, над кораллами, скатами, морскими ежами, муренами и черепахами, над всем тем самым подводным миром, который так привлекает туристов, что ныряют в него в масках и аквалангах, в надежде запастись впечатлениями на долгие годы и многае лета.

– Смелые есть нырнуть прямо с борта? – с улыбкой спросил гид-переводчик туристов на яхте. – Глубина здесь достаточная, можно нырять как угодно, лягушкой, солдатиком, или же просто обычно? И так, с борта нырять прошу самых смелых!

Татул был не из трусов, с борта яхты он первый нырнул! Распугав тропических рыб, в воду он погрузился солдатиком... (право не знаю, нужно ли думать в тех случаях, когда ты ныряешь, а если же нужно, то каким именно местом?)

Он вынырнул быстро, но там, куда он нырнул, сначала

долго шли большие воздушные пузыри, а только потом с великим трудом всплыл, (именно всплыл, а не вынырнул) – аквалангист... Большие воздушные пузыри шли от того, что Татул под водой своими ногами перебил водолазу воздушную трубку, которому нечем стало дышать.

Аквалангиста подняли на яхту, долго откачивали, а когда он пришел в себя, то оч сильно ругался на русском и слал проклятия тому человеку, который его едва ли не утопил... Он не просто матом ругался, а слал такие проклятия, которые были огромные, словно страшная туча перед грозой! И это в свадебном путешествии..? Оуууу, Боже мой, праведный, это какой заскорузлой душой нужно ведь обладать, чтобы желать молодым столько несчастья, что вскоре и – наступило!

– Да чтобы тебя, на машине с красной полосой, куда-нибудь увезли, да чтобы тебя с пальмы кокосом, по голове твоей бестолковой, да чтоб ты забыл, как тебя звать величать... – ещё долго летели проклятия в сторону Татула от аквалангиста.

Ой, ё ёшеньки, ё ёй... От этого впору только схватиться за голову!

Настоящая щедрость, это семь сантиметров по цене ше-

сти, но щедростью здесь и не пахло. В душе Татула стали селиться черные черти, житейская брешь стала сжигать золотые дали, он не знал, для чего он живёт, но жил, этого вовсе не зная. М-да... Когда ветер меняется и дует с другой стороны, в голове чехарда. А ветер и вправду переменялся и стал дуть обратно, и не просто задул, а так потянут, порывами даже до сильного...

Судьба подскочила нежданчиком (это, те обстоятельства, которых совершенно не ждёшь, увы, иногда такое случается, особенно в сильный ветер), от чего Татул стал страдать неустойчивой психикой, он стал вдруг достаточно нервным и теперь только и делал, что боязливо оглядывался по сторонам.

Когда на другой день молодые пошли на другой яхте, на другой остров желания в ветреную погоду, их настроение было испорченное, Татул никуда уже не нырял и стал всего как-то бояться. А чтобы поднять настроение, Лена с Татулом выпили алкогольный душевный коктейль, в бокале которого солнце экватора им улыбалось своей игривой улыбкой. Потом они коктейль повторили по русской традиции ещё пару раз. На этой яхте с ними был местный фотограф, что просто грозился им сделать портрет, который можно было бы возвести в ранг фотографического искусства.

Фотограф на белом, да нет, не коне, а белом песочном пляже снимал Лену с Татулом с разными ракурсами, приговаривая с глубоким акцентом: – Девушк делат брызги руками, теперь обнимает за шею русский хороший парень... – щёлкал он затвором своего дорогого фотоаппарата. – Улыбаемся, всё время ми улыбаемся, играем в воде, теперь страстно целуемся, девушк лежит на русский здоровяк прямо в прибое и целует, всё, хорошо, сняли, теперь парень ложится сверху на девушк, и тоже целует... – продолжал давать указания старый фотограф, щелкая затвором фотоаппарата.

Но тут, эх, опять эти – нежданчики... Только Татул всем своим весом взгромоздился на Леночку, только стал её целовать, только, как пулемётная очередь защёлкал затвор аппарата, только улыбнулся фотограф, как девушка под Татулом страшно так вскрикнула, вздрогнула, побелела и закатила глаза... Татул с Леночки соскочил!

– Что с тобой, милая, что с тобой, дорогая..? – стал трясти за плечи Лену Татул.

– Ты, когда на меня навалился, у меня в груди что-то треснуло и хрустнуло, ты, наверное, меня так придавил, что во мне что-то сломал, ведь под нами песок, а не диван, песок-то не прогибается... Мне очень больно дышать, так больно, что я наверное, скоро умру... Это наверное, любовная травма... Татульчик, мой миленький, ты веришь, я так

хочу жить... и просто дышать, вольно, легко и свободно, как и до этого...

Дальше Лена просто закрыла глаза.

Пока яхта на полной скорости шла до ближнего берега, Татул делал Леночке искусственное дыхание, потом была скорая и амбуланс.

Когда Лену грузили в скорую помощь, она на минуту открыла глаза и сказала: – Татул, я так хочу, чтобы мы были вместе...

– Милая, мы обязательно будем вместе... – на ухо прошептал ей Татул, печальным взглядом провожая скорую помощь с подругой за поворот.

А вечером к Татулу подошел гид, и печальным голосом произнёс: – Дорогой мой Татул, я искренне сожалею, что всё именно так получилось, прошу вас взять себя в руки и выслушать самое страшное! Дело в том, что вы пили алкогольный коктейль, в крови вашей невесты врачи обнаружили алкоголь, поэтому медицинская страховка у вас не работает, так что всё лечение будет за ваш счёт, а оно в нашей стране дорогое, так что, примите мои соболезнования в трёхкратном размере, от чего Татул поник ещё больше.

– А Лена-то как, как она себя чувствует? – душою рванулся Татул.

– Лежит на аппарате искусственного дыхания, а это, такие

страшные деньги – схватился гид руками за голову.

После всех этих слов, Татул только и делал, что под пальмой сидел одиноко на пляже и смотрел в одну точку, размышляя о жизни и том самом времени, когда хотел заплести вечность в волосы Леночки, по ночам разглаживая морщины вчерашнего дня.

А ветер, бродяга, сказочный ветер, уже нёс свои воздушные массы с Тихого океана, с одной единственной целью, расшевелить черные волосы на голове рыдающего Татула, над тем самым местом, где зарождаются мысли, те самые мысли, что дают дело действиям, ибо мысли без действия, в душе так бездейственными и останутся...

Но ветер расшевелил не только мысли Татула, он своим ласковым дуновением расшевелил ещё пальму, под которой сидел в кручине Татул... и покачнул тот кокос, который давно уже вызрел, и этого, лёгкого такого покачивания, кокосу давно уже не хватало, чтобы с пальмы сорваться, и...

Хороший кокос ударил Татула не прямо по темени, а пришелся скользящим ударом, видать, ветром кокос при падении немножечко сдуло..., иначе бы, в аэропорту Мария Ивановна встречала одну только Леночку, совсем без Татула.

Была скорая помощь, и амбуланс. Увы, страховка снова

не действовала, так как Татул снимал свою грусть крепким виски, которого в этот раз печальный налил себе на два пальца выше обычного.

Вот так, страховка – имеет значение!

+ + +

Они и сейчас, над дальней страной парят огромные альбатросы, так же, как и сейчас в Московской квартире висит над диваном портрет, где двое влюблённые нежно целуются в волнах прибоя далёкой страны...

А собственно, что такое, фотопортрет? Хороший фотопортрет, это – прежде всего достижение фотографии! Он до сих пор молодым радует душу, на котором они здоровые, счастливые и безмятежные, вместе так и остались..!

Андрей Днепровский – Безбашенный.

(А. Днепр) 14 августа 2015г

Живите сейчас, настоящее – стоит того!

Дрожь земли (знамение)

Семён Игнатьевич был немолод уже, нет, не юный он был, лет намного тянул, но таковым себя не считал, он был в том возрасте, когда только начинают мечтать и вступать в возраст зрелости. Жизнь его так скроила, что и не перешить, он жил не ради, а для... Правда, Семён Игнатьевич всегда был всем недоволен, то корову сосед не там привязал, то утки не там и не так пасутся, сколько им не говори окаянным, то люди живут неправильно, то дождь пошел вдруг не вовремя, то солнце рано взошло, то племянник с утробной душой, что-нибудь неправильно сделал. Да мало ли может быть причин у человека для недовольства. Вот так и жил ветхозаветный Семён Игнатьевич с черным сердцем и заскорузлой душой, разменяв аж седьмой десяток, что согласитесь, дано далеко не каждому. Крепкий он был мужик, иногда плакал от смеха, а иногда смеялся сквозь слёзы, как и все грешные. От других людей он отличался тем, что в его чистую голову всё время лезли грязные мысли, чем он выделялся так сильно, что даже устал от этого выделения, что согласитесь, тоже не просто.

Обычно новый день у Семёна Игнатьевича начинался с того, что он включал радио и долго слушал любимую пе-

редачу. Простой радиоприемник украшал собой его убогую, суровую деревенскую хату. В это утро, Семён Игнатьевич прильнув ухом к приёмнику, с чутким и необыкновенным вниманием и замиранием вслушивался в трескучий эфир, в котором с трудом различал голос врача травматолога, который настоятельно вёл беседу о вреде признания в супружеской неверности и говорил, что после таких признаний люди часто попадают в травматологию. Потом был репортаж с митинга о защите животных, в частности свиней, где последние вырвались из загона и затоптали своих защитников насмерть, от чего на лице радиослушателя появилась кривая ухмылка, Семён Игнатьевич представил себе такую картину, как стадо свиней безжалостно топчет своих защитников, от чего в его голове появились леденящие мысли...

– Хрен ли их защищать бестий... Из них сало надо солить и окорока вялить – сделав для себя правильное заключение выключил радиоприёмник радиослушатель и снова как-то криво так ухмыльнулся.

Пенсионер относился к той касте людей, что входят в группу особого пролетарского гнева, им если дать волю, они сразу взякен дубинен, и будут орудовать на все стороны до тех пор в деле наведении справедливости, пока не устанут жалеть, что променяли волю на рабскую долю.

Когда-то Семён Игнатьевич был энергетиком и наполнял солнечным светом деревенские хаты, но представляя собой,

клад глупых мыслей и безумных идей, он в душе оставался ребёнком, жаждущим утешения.

В это раннее утро после вчерашнего праздника старый был мутный, и услышанное доходило до него лёгким таким... запозданием.

– Господь им судья... – не то свиньям, не то покойным, перекрестившись на икону, высказал своё мнение пожилой человек.

После упоминания имени Господа, что можно сказать о вере Семёна Игнатьевича в Бога? Скажем правду... Не верил в него старый, не верил, а только вид создавал, да бы особо не выделяться среди других, что делал тихо, так как тяготился своим выделением, хотя мысли разные допускал: – А вдруг и вправду есть свыше великая сила...? – в чем иногда сомневался, как говорится, до лихой поры и до времени.

А тем самым, неминуемым временем, его племянник задумал сделать благое дело, хотя был и вовсе неверующим. В той далёкой и Богом забытой деревне когда-то была церковь схождения святого духа, которую взорвали фашисты во время своего великого отступления и племянник, неизвестно из каких побуждений решил сделать дубовый крест в память, коей собрался водрузить на руинах взорванной церкви.

А осень, ох эта красивая золотистая осень, в саду роняла рваные платки пожелтевшей листвы, с каждым днём толкая жизнь всё дальше и дальше в сторону вечности...

Племянник крест сделал исправно, три метра в длину без пасынка и в размахе метра на полтора. Крест, к сдвигеню нужно было поставить, да малость поторопился племянник, на целых два дня раньше управился. А пока, суть да дело, крест сотоварищи вечером занёс в дедов сарай, о чем позабыл предупредить дядюшку. В том сарае у Семёна Игнатьевича хранился всякий хлам и корм для курей и уток.

По религиозным канонам, на том месте, где стоит или стояла церковь, находится ангел, который освещает нечистую силу, а крест, даже, если он ещё только сделан, уже представляет собой святое оружие против всяческой нехристи и людей с черным дремучим сердцем. С момента изготовления крест уже начинает помогать ангелу, излучая великую силу, которая «черным» людям и дьяволам начинает сверлить глаза и плавить хвосты и копыта. Правда, у Семёна Игнатьевича хвоста и копыт не было, но черное, завистливое сердце у него, знаете – было! Когда-то он был обижен, как сам считал на всевышнего. Точнее, не так на него, как на женщин, обобщал он, знаете ли это дело, считая, что в каждой женщине непременно сидит бес. По молодости у Семёна Игнатье-

вича была городская подруга, у которой был опыт, а у молодого Семёна деньги, так вот после недолгой совместной жизни у Семёна Игнатьевича остался опыт, а у подруги деньги... Правда, это было очень давно, но в памяти деда это сидело гнойной занозой.

Тем временем крест с помощью ангела уже начинал действовать, он уже был готов к тому, что бы творить знамение...

Уж так видать распорядился всевышний. Рано утречком, как только пропели первые петухи и ещё перед тем, как включить радио, Семён Игнатьевич, (он никогда в жизни не чистил зубы, но они у него все до единого были целые), уныло поплёлся за просом в сарай, что бы покормить кур. Привычно и деловито открыв ржавый скрипучий притвор, и на секунду о чем-то задумавшись, пенсионер резвым оленем наизготовку со старым алюминиевым ковшиком, стремительной тенью ринулся в темноту, со словами: – Аспиды окаянные, опять поклевали всё просо, дубовой бы их дубиной... – возмущался Семён Игнатьевич ещё вовсе не ведая, что дубовый крест находится как раз на уровне его головы... Шагнув в темноту покосившегося сарая, он со всей дури ударился головою об крест. От этого удара старче отлетел назад и приземлился на заднюю точку, совсем позабыв как его звать величать, и зачем он в этот сарай сдуру попёрся.

Видит Бог, это было – знамение! От этого редкие птицы попадали камнями с деревьев, земля загудела и задрожала, но сарай выстоял, а чуткие приборы сейсмологической станции на Камчатке зафиксировали эту дрожь земли в виде лёгкого такого землетрясение. Пару минут Семён Игнатьевич находился в беспамятстве, потом открыл глаза и кинул тоскливый взор на небо.

– О блиннннн!!! – вдруг вырвалось из него совершенно произвольно. – Всю морду себе вывернул! – вытирался он старым картузом, который при ударе пушинкой слетел с его головы. – Племянник христопердяжник проклятый, хоть бы сказал, что крест в сарай положил... – матом кроил старче, руками трогая набок свёрнутый нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.